# Шкурятникъ.

**Наши** мѣстные охотники имѣли обыкновеніе по вечерамъ собираться въ клубѣ, въ угловой комнатѣ, и вели тамъ громкіе, оживленные разговоры о густопсовыхъ кобеляхъ, выжловкахъ, о томъ какъ Иванъ Петровичъ протравилъ русака, Николай Карлычъ промазалъ по тетереву и пр. Члены клуба, не посвященные въ тонкости охотничьяго словаря, иногда заглядывали туда изъ праздняго любопытства, но уходили, что называется, несолоно похлебавши. Въ самомъ дѣлѣ, что могъ-бы понять въ нашихъ разговорахъ какой-нибудь столоначальникъ Окружнаго суда Боголѣповъ, который всѣ вечера проводилъ за карточнымъ столомъ, выкрикивая: разъ черви, два черви, большой шлемъ, безъ козырей! Заглянулъ онъ какъ-то въ эту комнату, а нашъ псовый, или, какъ мы его называли, густопсовый охотникъ, Иванъ Петровичъ разсказывалъ:

— Подъ Чолкинымъ взбудился изъ подъ меня русакъ—толкнулъ я собакъ; мой густопсовый Аяксъ сразу досталъ его, потасовалъ, зарьялъ и сталъ отставать. Псовая Танька у меня всегда ловитъ браскомъ безъ осѣчки, а тутъ — присунулась, да скоро выдохлась. Думалъ,—русакъ совсѣмъ оторвется, смотрю—Удавъ приспѣваетъ, такъ и наддастъ, такъ и наддаетъ, просто жгетъ по межнику....

— Того наслушался, говорилъ послѣ этого Боголѣповъ, садясь играть въ карты, своимъ партнёрамъ... того наслушался у охотниковъ, что, получись у меня въ столѣ такая бумага, во входящую не съумѣлъ-бы записать.

Самымъ шумливымъ изъ всѣхъ охотниковъ былъ безъ сомнѣнія надзиратель гимназіи—Николай Васильичъ Глазуновъ, который былъ у насъ извѣстенъ подъ именемъ Шкурятника. Онъ имѣлъ громоподобный басъ, выражался какъ-то аллегорически, въ родѣ раёшника, пословицами да прибаутками, старался говорить въ

рифму и обращенія былъ самаго грубаго, не соблюдалъ въ словахъ никакой деликатности.

— Ты, братъ, не обижайся, говорилъ онъ напримѣръ. Я это аллегорически, а всякій Еремѣй про себя разумѣй. На ворѣ шапка горитъ. По мнѣ, братъ, наплевать, что ты статскій совѣтникъ. У меня вотъ какъ: видишь указательный палецъ,—это у меня коллежскій секретарь,—второй мой палецъ—генералъ, а суну между ними большой палецъ и выйдетъ статскій совѣтникъ. Понялъ? ну, и толковать больше нѣчего. Стань къ сторонкѣ, а по французски это значитъ: атанде, мадамъ, къ лохани.

Не изъ стыдливыхъ людей былъ Николай Васильичъ Глазуновъ!

— Стыдъ не дымъ, глаза не ѣстъ, говорилъ онъ. Забываешь заповѣдь—не зѣвай. На то, братъ, и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ.

На охотѣ Николай Васильичъ былъ истинною щукой, а другіе охотники дремлющими карасями. Когда, напримѣръ, на охотѣ съ гончими кто-нибудь стрѣлялъ по близости Глазунова, то онъ тотчасъ-же являлся на выстрѣлъ и обшаривалъ кусты, не лежитъ-ли гдѣ-нибудь подбитый заяцъ. Если ему удавалось увидать такого, то онъ немедленно стрѣлялъ въ него, или просто на воздухъ, и съ торжествомъ присвоивалъ себѣ зайца. На протесты обиженнаго охотника онъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Нѣтъ, братъ, шутишь, а не любишь. Молода — въ Саксоніи не была. Я самъ съ усамъ. Все мое, сказало злато; все мое, твердилъ булатъ.

Что можно было подѣлать съ такимъ человѣкомъ? Предлагалъ Григорій Федоровичъ поступить „съ симъ кобелеватымъ охотни„комъ, согласно наказу царя Алексѣя Михайловича, т. е. дать „ему двадцать ударовъ палкою по спинѣ и потомъ штрафован„наго не поносить“, но предлагать-то онъ предлагалъ, а пусть-бы самъ исполнилъ этотъ наказъ. Кулакъ у Николая Васильича былъ съ добрую тыкву. „Дамъ раза, такъ вытращишь глаза“, говорилъ онъ про свой кулакъ. По своему сложенію Шкурятникъ былъ человѣкомъ, скроеннымъ нескладно, но сшитымъ плотно. На короткихъ и толстыхъ ногахъ крѣпко сидѣло широкое туловище, а на могучихъ плечахъ помѣщалась круглая, коротко остриженная голова. Лице у Николая Васильича было мѣдно-бронзоваго цвѣта съ черенью. Бороду онъ себѣ брилъ и имѣлъ огромные рыжеватые усы. По общему виду фигура Шкурятника напоминала большой давно нечищенный самоваръ, который подавали встарину на постоялыхъ дворахъ.

У Шкурятника было три собаки: двѣ гончихъ Атосъ и Портосъ и одна легавая Арамисъ. Мушкатеровъ, какъ онъ называлъ своихъ собакъ, Николай Васильичъ отдавалъ во временное пользованіе другимъ охотникамъ, но не иначе какъ за извѣстное вознагражденіе.

— Уплати контрибуціи три рубля и получай назавтра Арамиса. Аршанъ на столъ,— и бери; а безъ денегъ труба.

Слово труба, по его аллегоріи, означало полный отказъ. Шкурятникъ просилъ одинъ разъ у директора гимназіи для себя отпускъ и тотъ почему-то ему отказалъ.

— Стало быть мнѣ насчетъ этого труба!, отвѣтилъ Глазуновъ.

— Какъ вы сказали? удивился директоръ, незнакомый съ аллегоріями Николая Васильича.

— Я говорю, что значитъ мнѣ резолюція: сиди дома, точи веретена, поправился Глазуновъ.

— Да, въ настоящее время, не могу вамъ дать отпуска; только зачѣмъ вы такъ тривіально выражаетесь? Какая-то тамъ труба! замѣтилъ директоръ.

Сколько молодыхъ еще нелетающихъ утятъ погубилъ Шкурятникъ при помощи своего Арамиса! Ему доставляло большое удовольствіе раскопать лисью нору и наловить молодыхъ лисятъ; какимъ-то образомъ онъ ухитрялся ловить волчатъ, которыхъ продавалъ потомъ Ивану Петровичу для натравливанія борзыхъ; утокъ и тетеревей поставлялъ въ гостинницы, шкурки заячьи и лисьи продавалъ мѣховщикамъ, кромѣ того заработывалъ немало денегъ тѣмъ, что водилъ богатыхъ охотниковъ по знакомымъ ему мѣстамъ, гдѣ были извѣстны ему тетеревиные выводки. Съ одного изъ такихъ охотниковъ, Алымова, Шкурятникъ ухитрился на охотѣ за тетеревами получить двадцать пять рублей за бутылку сельтерской воды. Зарывъ предварительно ее въ землю, и запомнивъ мѣсто, онъ устроилъ такъ, что тамъ сдѣлали привалъ. День былъ жаркій и послѣ ходьбы Алымову захотѣлось пить, а такъ какъ онъ любилъ сельтерскую воду, то и вспомнилъ про нее.

— Двадцати пяти рублей не пожалѣлъ бы за бутылку сельтерской, сказалъ онъ.

Шкурятникъ только того и ждалъ. Подержали пари, предрительно объискавъ Глазунова. Черезъ пять минутъ онъ, раскопавъ землю, досталъ оттуда бутылку сельтерской и съ торжествомъ передалъ Алымову.

Для Ивана Петровича, который держалъ стаю гончихъ и имѣлъ борзыхъ собакъ, Глазуновъ былъ очень полезенъ. Онъ подвывалъ для него волковъ, подъискивалъ выводки, зналъ всѣ лисьи нàземи, которыя затыкалъ предъ охотою, чтобы лисица не понорилась, и вмѣстѣ съ доѣзжачимъ заводилъ гончихъ. Все это цѣнилъ Иванъ Петровичъ и снисходительно относился къ продѣлкамъ Шкурятника; но случилось на охотѣ одно происшествіе, которое было причиной того, что онъ поссорился съ Глазуновымъ. Произошло это такимъ образомъ: гончія вели лисицу прямо на Ивана Петровича, стоявшаго съ своими борзыми въ полѣ за кустомъ. Глазуновъ въ это время былъ въ лѣсу на опушкѣ, и, увидѣвъ лисицу, выстрѣлилъ по ней въ догонку, но на такомъ разстояніи, что убить, конечно, не могъ. Борзыя Ивана Петровича скоро словили ее, но Глазуновъ отнялъ, утверждая, что онъ подстрѣлилъ ее.

— К..каналья ты этакая, горячился Иванъ Петровичъ. Я своего Громилу повѣсилъ въ прошедшемъ году за то, что тотъ опушничалъ. Зачѣмъ тебя нелегкая принесла на опушку?

— Все мое сказало злато, все мое твердилъ булатъ. Не отдамъ, братъ, лисицу, труба! отвѣчалъ на это Глазуновъ и, привязавъ себѣ лисицу, ушелъ въ лѣсъ.

Спустя немного времени одинъ изъ борзятниковъ Ивана Петровича затравилъ другую, какую-то необыкновенно красивую лисицу и приторочилъ къ сѣдлу. На привалѣ Глазуновъ укралъ эту лисицу, а вмѣсто нея привязалъ къ сѣдлу свою, отжиленную у Ивана Петровича. Когда это открылось, то чаша терпѣнія послѣдняго переполнилась и онъ велѣлъ своимъ людямъ отнять лисицу у Глазунова. Произошла цѣлая баталія, Глазуновъ кричалъ даже караулъ, но потерпѣлъ пораженіе, и, вдоволь наругавшись, уѣхалъ ни съ чѣмъ домой. Съ тѣхъ поръ начались для нашихъ охотниковъ всякія невзгоды. Прошла почти цѣлая осень—нѣтъ удачи. Волчьи выводки кто-то разогналъ, лисицы на охотѣ скоро норились и не давались въ руки, да и гончія Ивана Петровича безъ мушкатеровъ Глазунова плохо гоняли. Охотники по прежнему собирались въ клубѣ въ угловой комнатѣ; но тамъ уже не басилъ Шкурятникъ, не слышно было его „трубы“. Онъ переселился въ билліардную, гдѣ и объигрывалъ желавшихъ съ нимъ сразиться.

Скучно стало безъ Шкурятника. Задумали охотники помирить его съ Иваномъ Петровичемъ. Всѣ знали, что былъ въ городѣ одинъ человѣкъ, имѣвшій сильное вліяніе на Глазунова.

Это былъ докторъ Василій Федоровичъ, лѣчившій въ гимназическомъ пансіонѣ. Съ годъ тому назадъ чѣмъ то захворала, сестра Шкурятника, Соня, хорошенькая дѣвушка лѣтъ семнадцати, и Василій Федоровичъ ее вылѣчилъ. Съ тѣхъ поръ Глазунова возъимѣлъ къ доктору необыкновенное уваженіе.

Дѣло въ томъ, что Глазуновъ, этотъ безстыдный человѣкъ, очень любилъ свою мать, благообразную старушку, Ольгу Сергѣевну и сестру Соню. Помѣщались они втроемъ въ маленькой казенной квартирѣ и жили, что называется, душа въ душу. Ольга Сергѣевна и Соня входили во всѣ интересы Шкурятника, кормили и холили его мушкатеровъ, а своего Николашу берегли будто какое нибудь сокровище. Когда онъ спалъ, вернувшись съ охоты, причемъ храпѣлъ такъ, что стекла въ окнахъ дрожали,—Ольга Сергѣевна и Соня ходили чуть слышно и говорили шепотомъ, боясь разбудить дорогого Николашу. Обѣщавъ кому-нибудь дать напрокатъ своихъ собакъ, Глазуновъ, уходя на службу, сообщалъ Ольгѣ Сергѣевнѣ о размѣрѣ наложенной контрибуціи.

— Вы, мамашенька, съ Гаврилова возьмите три рубля. Безъ денегъ не давайте. Онъ жуликъ. Низачто послѣ не заплатитъ, особенно если ничего не убьетъ.

О собакахъ заботилась и Соня.

— Привязать ли намъ Атоса?—спрашивала, напримѣръ, она у своего брата. Онъ сегодня опять бѣгалъ къ Милюковской сукѣ. Такъ ему кто-то ухо укусилъ.

Ольга Сергѣевна любила играть въ карты, въ старинный преферансъ, и Глазуновъ, чтобы ее развлечь, часто игралъ съ ней, причемъ, однако, натура Шкурятника брала свое: онъ немилосердно подсиживалъ Ольгу Сергѣевну и Соню, даже въ картахъ плутовалъ. Ему было весело, когда онѣ ставили ремизы. Ссору Глазунова съ Иваномъ Петровичемъ Ольга Сергѣевна не одобрила.

— Охота тебѣ, Николаша, изъ пустяковъ ссориться, говорила она. Иванъ Петровичъ—человѣкъ нужный, какъ бы онъ тебѣ не повредилъ по службѣ!

— Очень мнѣ понравилась лисица, оправдывался Николай Васильичъ. Знаете, такая черная съ просѣдью. Какъ разъ Сонѣ на воротникъ годится.

Во время болѣзни Сони, Глазуновъ потерялъ сонъ и аппетитъ, даже похудѣлъ; а когда она выздоровѣла, то Глазуновъ отъ радости такъ пожалъ руку доктору Василію Федоровичу, что

чуть не сломалъ ему пальцевъ. Съ тѣхъ поръ докторъ не покупалъ зайцевъ: они были у него даровые, благодаря Шкурятнику. Охотники и придумали просить Василія Федоровича, чтобы онъ уговорилъ Глазунова помириться съ Иваномъ Петровичемъ. Докторъ обѣщалъ это устроить.

Однажды вечеромъ, когда охотники были въ клубѣ, въ комнату, какъ бомба, влетѣлъ Николай Васильичъ.

— Миръ вамъ, и я къ вамъ! Здравствуй, другъ мы мой сердечный, тараканъ запечный, обратился онъ къ Ивану Петровичу. Что, братъ, плохо безъ меня?, много волковъ затравилъ?

— Когда к-каналья какая-нибудь, въ родѣ тебя, будетъ разгонять выводки, то, конечно, немного возьмешь, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Положимъ, это враки! сказалъ Шкурятникъ. Я выводковъ не разгонялъ, а что твоимъ тявкушамъ грошъ вся цѣна,—это вѣрно. По правдѣ сказать, и Павлушка твой ни уха, ни рыла не смыслитъ, ухаетъ въ лѣсу какъ лѣшій. Какой онъ доѣзжачій, когда въ Пальномъ не нашелъ выводка!

— Толкуй больше! Ты раньше меня тамъ побывалъ и прогналъ выводокъ. Мнѣ мужики въ Пальномъ сказывали, отвѣтилъ Иванъ Петровичъ.

— Въ Пальномъ я былъ, не хочу врать, продолжалъ Шкурятникъ. Нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ, но выводка я не трогалъ. Онъ тамъ. Поѣдемъ завтра, самъ увидишь. Всѣмъ вамъ носъ утру. Нашего брата голой рукой не бери—обожжешься, а замарай, потомъ и хватай.

— Спасибо, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ. Я съ тобой не ѣздокъ. Ты на охотѣ грабежемъ занимаешься.

— Ты все про лисицу! У меня-же отнялъ, меня-же и ругаетъ. Не надобно мнѣ твоихъ шкурокъ, можетъ быть тебѣ онѣ требуются на зимній халатъ.

— Я шкурокъ не жалѣю, я не шкурятникъ. Самъ отдамъ, а отнимать не позволю, горячился Иванъ Петровичъ.

— Сказалъ, что не возьму, отвѣчалъ Шкурятникъ. Просить будешь, чтобы взялъ, и то не возьму.

— Будетъ вамъ спорить, Иванъ Петровичъ, вступились другіе охотники. Поѣдемте завра въ Пальное. Увидимъ, какой тамъ выводокъ найдетъ Николай Васильичъ.

— Да я—ничего, подавался Иванъ Петровичъ. Не первый день знакомъ съ идоломъ, показалъ онъ на Глазунова.

— На этомъ, братъ, не взыщи, говорилъ Николай Васильичъ.

Галантерейности не имѣю; на меня политуры не хватило. Живу—хлѣбъ жую, на мѣдныя деньги обученъ; а что сказалъ,—сдѣлаю. Въ Пальномъ выводокъ найду.

Чтобы закрѣпить мировую, охотники повели Глазунова съ Иваномъ Петровичемъ въ столовую ужинать. Тамъ, послѣ надлежащей выпивки, Иванъ Петровичъ совершенно смягчился и обѣщалъ прислать Глазунову отнятую у него лисью шкурку.

— Сказалъ, что не возьму. Лучше не присылай, отнѣкивался Николай Васильичъ.

— Докажи, что не сердишься. Возьми, пожалуйста, приставалъ немного охмѣлѣвшій Иванъ Петровичъ.

Сговорились ѣхать въ Пальное не на другой день, а въ ближайшее воскресенье, когда всѣ были свободны. Большею частію охотники были люди состоящіе на службѣ, и потому въ будни не всѣ могли ѣхать.

Между тѣмъ, къ воскресенью погода, стоявшая все время теплою и сухою, разомъ перемѣнилась. Подулъ сѣверный вѣтеръ и принесъ съ собою холодъ и ненастье. Небо потемнѣло. Пошелъ дождь небольшой, но частый, безъ перерыву, такой, какой бываетъ только поздней осенью. Вмѣстѣ съ дождемъ падали на землю и тотчасъ-же таяли первыя снѣжинки, предвѣстницы близкой зимы. Нѣкоторые изъ охотниковъ, преимущественно ружейники, предложили было отложить охоту до слѣдующаго воскресенья, но Иванъ Петровичъ настоялъ на поѣздкѣ, опасаясь близкихъ заморозковъ.

Пришло воскресенье, и въ квартирѣ Глазунова уже съ трехъ часовъ утра горѣлъ огонь и кипѣлъ на столѣ самоваръ, около котораго хлопотала Ольга Сергѣевна и Соня, въ ожиданіи когда проснется ихъ безцѣнный Николаша. Былъ разбуженъ Филька, тринадцатилѣтній мальчишка, кучеръ, камердинеръ и постоянный спутникъ на охотѣ Николая Васильича. Ольга Сергѣевна побывала уже въ конюшнѣ, гдѣ при ней Филька засыпалъ лошадкѣ Николая Васильича овесъ и уложилъ въ ящикъ, придѣланный къ бѣговымъ дрожкамъ, провизію. Только послѣ этого Ольга Сергѣевна разбудила своего Николашу.

— Погода плохая, не простудись, говорила она ему за чаемъ.

— Ничего, маменька, отвѣтилъ Глазуновъ. Богъ не выдастъ,—свинья не съѣстъ. Положили-ли вы водки?

Когда Филька подалъ бѣговыя дрожки, Николай Васильичъ одѣлся, и одѣлся тепло. Поверхъ полушубка онъ надѣлъ непро-

мокаемый плащъ. Ольга Сергѣевна и Соня вышли на крыльце со свѣчей проводить его. На бѣговыхъ дрожкахъ оказался непрошенный сѣдокъ—Арамисъ. Онъ важно усѣлся и повидимому имѣлъ твердое намѣреніе ѣхать съ Николаемъ Васильичемъ.

— Вотъ тебѣ и разъ! вскрикнула Ольга Сергѣевна. Арамиса забыли привязать.

— Вы, маменька, возьмите его; а то мнѣ возвращаться не хочется. Прнмѣта не хорошая. Пути не будетъ, говорилъ Николай Васильичъ.

Къ великому неудовольствію Арамиса, его Соня увела къ комнату. Атосъ и Портосъ, непривязанные, безъ смычковъ, громко лаяли, приглашая Николая Васильича не терять времени и скорѣе ѣхать. Когда онъ сѣлъ, они замолчали и уткнули морды подъ заднюю ось бѣговыхъ дрожекъ. Это было ихъ излюбленное мѣсто и они обыкновенно бѣжали такъ всю дорогу, задумчиво опустивъ морды и боясь отстать хотя на одинъ шагъ отъ бѣговыхъ дрожекъ. Сыро и холодно показалось Николаю Васильичу послѣ теплой комнаты. Погода была очень нехороша. Сверху дождь, снизу грязь, кругомъ темнота непроглядная. Какъ только дрожки съѣхали съ освѣщенной возлѣ крыльца полосы свѣта, тотчасъ-же исчезли въ темнотѣ, будто провалились сквозь землю.

— Прощай, Николаша, крикнула съ крыльца Соня.

Откуда-то изъ темноты донесся къ ней голосъ Глазунова „прощай“ и затѣмъ все стихло.

Притворивъ дверь, Ольга Сергѣевна вернулась въ комнату убирать самоваръ и посуду.

Пальное, большое село на почтовой дорогѣ, расположено на высокой горѣ. Тотчасъ-же за селомъ начинается молодой дубовый лѣсокъ, въ перемежку съ частымъ осинникомъ и орѣшникомъ. Весь спускъ съ горы и глубокіе по ней овраги покрыты этимъ лѣсомъ. Подъ горой—топкое болото, которое кончается обрывистымъ берегомъ рѣчки Глушанки. Этотъ берегъ довольно высокій и сухой, но пробраться отъ него къ горѣ черезъ болото можетъ только человѣкъ, знающій всѣ тропинки и хорошо знакомый съ мѣстностью. Есть кое-гдѣ по болоту и сухія мѣста въ видѣ островковъ. Дойти до нихъ также очень трудно. Мѣсто крѣпкое, но заманчивое для охотниковъ, особенно для борзятниковъ. Звѣрь, выбитый гончими изъ болота, бѣжитъ вдоль враговъ въ гору, а затѣмъ ровнымъ пахотнымъ полемъ въ другой лѣсъ, лежащій въ верстѣ отъ Пального. Есть гдѣ потѣшиться съ борзыми.

Къ Пальному Николай Васильичъ подъѣхалъ, когда еще чуть свѣтало. Его обогнала тройка Ивана Петровича, который крикнулъ ему изъ тарантаса:

— Поѣзжай къ Семену! Гончія тамъ. Николай Васильичъ не поѣхалъ къ Семену, передъ домомъ котораго стояло много любопытныхъ и виднѣлись гончія, а, въѣхавъ въ село село, повернулъ въ переулокъ. Въ концѣ его, на самомъ выѣздѣ въ полѣ, стояла особнякомъ новенькая избушка отставного солдата Игната. Къ этой избушкѣ и подъѣхалъ Николай Васильичъ. Игнатъ, повидимому, его дожидался, потому что тотчасъ-же вышелъ на встрѣчу и отворилъ для лошади ворота на дворъ.

— Заждался я васъ, сударь, сказалъ онъ Николаю Васильичу. Полагалъ, что совсѣмъ не пріѣдете. Хотѣлъ уже одинъ добывать волковъ. Пожалуйте обогрѣться въ избу, а мы съ Филей лошадку приберемъ.

— Приходи скорѣе въ избу, тамъ потолкуемъ, отвѣтилъ Николай Васильичъ, слѣзая съ дрожекъ. Мой простофиля одинъ съ лошадью управиться. Вынь только изъ дрожекъ, что мнѣ мамаша приготовила, передъ дѣломъ не грѣхъ и подкрѣпиться, добавилъ онъ, входя въ избу къ Игнату.

Тамъ уже топилась печка, возлѣ которой хлопотала съ ухватомъ въ рукахъ Аксинья, жена Игната, баба еще молодая и красивая.

— Здравствуй молодка, для мужа находка, для горшковъ погибель, а горшечникамъ прибыль, сказалъ Аксиньѣ Николай Васильичъ, снимая съ себя забрызганный грязью плащъ и растегивая полушубокъ. Какъ поживаешь, кого поминаешь? добавилъ онъ. Достань-ка, умница, хлѣба, да зачерпни соли. Положи это все на столъ, а мы съ кумомъ сядемъ рядкомъ, поговоримъ ладкомъ, водочки чебурахнемъ по стаканчику, будемъ пить, да тебя красавицу хвалить.

Вошелъ Игнатъ съ узелкомъ, вынутымъ изъ дрожекъ, и положилъ его на столъ.

— Рапортуй, сказалъ Николай Василичъ, развертывая узелокъ. Все-ли благополучно? Тутъ-ли волки? Не былъ здѣсь кто-нибудь послѣ Ивана Петровича?

— Никакъ нѣтъ-съ, кому же быть? отвѣчалъ Игнатъ. Спугнулъ это я потихоньку выводокъ, какъ вы приказали. Ни одна гончая въ болотѣ не вякнула, когда былъ Иванъ Петровичъ; а дня черезъ два волки опять вернулись. Вчера вечеромъ слушать

ходилъ. Отозвались въ углу, за колдобиной, знаете, гдѣ кривая береза стоитъ.

— Выходитъ, дѣло въ шляпѣ, сказалъ Николай Васильичъ. Выпьемъ по стаканчику, да и справляйся. Становись съ ружьемъ отъ рѣки.

— Безпремѣнно надобно отъ рѣки стать, согласился Игнатъ. Потому, — старка черезъ рѣку пойдетъ, а дѣтва въ гору ударится.

— Заработывай, кумъ, за присмотръ, сказалъ Николай Васильичъ. Смотри не зѣвай! Ружье не осѣклось-бы, какъ, помнишь, въ прошедшемъ году. Не моя будетъ вина, пѣняй на себя. Своихъ мушкатеровъ я самъ заведу, прямо къ березѣ.

— Пройдете-ли, Николай Васильичъ? отвѣтилъ Игнатъ. Вязко. Въ колдобинѣ воды много понаперло. Пошлите лучше Павла.

— Боюсь—ошибется, сказалъ Николай Васильичъ. Пашка у Ивана Петровича остолопъ порядочный. Авось переберусь черезъ колдобину, а тамъ на островкѣ сухо.

— На всякій случай я двѣ жерди захвачу, предложилъ Игнатъ. Тамъ положите черезъ колдобину, если воды въ ней много.

— Это—дѣло, сказалъ Николай Васильичъ. Клюнемъ-ка лекарственнаго, да и въ путь. Ты ступай впередъ и мушкатеровъ моихъ захвати, а я зайду за гончими къ Семену. Не забудь прихватить и жерди.

Выпивъ съ Игнатомъ по стаканчику и закусивъ пирога, Николай Васильичъ не сидѣлъ долго въ избѣ, одѣлся и отправился къ Семену, гдѣ уже давно его дожидались.

Совсѣмъ разсвѣло, но туманъ еще болѣе спустился надъ болотомъ, когда Николай Васильичъ подошелъ къ рѣчкѣ съ гончими Ивана Петровича и съ доѣзжачимъ Павломъ. Игнатъ былъ уже тамъ. Онъ принесъ двѣ жерди и привелъ мушкатеровъ Николая Васильича, т. е. Атоса и Портоса. Глазуновъ принялъ гончихъ и далъ послѣднія наставленія Павлу.

— Смотри, Паша, не зѣвай, говорилъ онъ ему. Какъ отзовутся мои мушкатеры, такъ и бросай гончихъ, а самъ валяй кругомъ болота на гору, чтобы не прорвались въ Акиниху.

— Свое дѣло знаемъ-съ, отвѣчалъ Павелъ. Толку все-таки не будетъ. Намедни мы здѣсь были. Ни одна гончая не отозвалась. Пусто-съ.

— Что толку, намъ безъ толку толковать, толкъ на дѣлѣ

докажу, хвалился Глазуновъ. Давай, кумъ, твою машину, обратился онъ къ Игнату, принимая отъ него жерди. Заработывай себѣ на шубу, старка твоя будетъ. Положивъ на плечо жерди, Николай Васильичъ полѣзъ въ болото съ своими гончими и исчезъ въ туманѣ, а Игнатъ отправился по берегу Глушанки на извѣстное ему мѣсто, гдѣ онъ надѣялся перенять волчицу.

Глазуновъ осторожно шелъ по болоту, выбирая мѣста посуше и перепрыгивая съ кочки на кочку. Мушкатеры шли сзади и подражали хозяину, но часто срывались въ грязь, натыкаясь на сапоги Глазунова. Добрались и до колдобины, про которую говорилъ Игнатъ. Это было нѣчто въ родѣ канавы, по которой текла вода изъ однихъ озерковъ въ другія. Отъ дождей она сдѣлалась аршинъ пять шириною и только посрединѣ стояла какая-то зелень, по краямъ-же струилась чистая вода. Николай Васильичъ перекинулъ жерди и, хорошенько приладивъ ихъ, перебрался на другую сторону. Хотѣли пройти по жердочкамъ и мушкатеры, но поскользнулись. Всѣ въ тинѣ и грязные вылѣзли они на другой берегъ. Дальше дорога пошла значительно лучше, кончился березнякъ и ольха, стали попадаться сосенки, кусты можжевельника. Подъ ногами захрустѣлъ песокъ и сдѣлалось сухо. Николай Васильичъ остановился, осмотрѣлъ ружье и тихонько свистнулъ. Знакомъ былъ этотъ свистъ мушкатерамъ. Для нихъ онъ означалъ: работайте по своей вольной волюшкѣ, начальство мое кончилось. Они бросились въ кусты и начали искать. Портосъ въ одномъ мѣстѣ понюхалъ въ пескѣ, даже мордой ямку сдѣлалъ, легонько взвизгнулъ и бросился дальше. Черезъ минуту онъ коротко и злобно пролаялъ и въ то-же мгновеніе Атосъ залился сразу по зрячему. Въ кустахъ кругомъ послышался какой-то шорохъ, затрещали кое-гдѣ сухія вѣтви. Предъ Николаемъ Васильичемъ метнулось въ кустахъ что-то большое, сѣрое. Онъ выстрѣлилъ почти не цѣлясь, и, закричавъ во всю свою могучую глотку: „эхъ, собаченки, бери ихъ!“, бросился къ тому мѣсту, куда стрѣлялъ. Тамъ лежалъ молодой волкъ и тяжело разѣвалъ пасть, изъ которой текла кровь. Отъ рѣки послышались голоса гончихъ, спущенныхъ Павломъ. Онѣ приняли сразу и скоро подвалили къ мушкатерамъ. Въ непроглядномъ туманѣ по болоту закипѣло дѣло. Трудно было сказать, въ которой сторонѣ гонитъ стая. Стонъ стоялъ надо всѣмъ болотомъ. Слышалось отчетливо только мѣрное, будто отбивающее тактъ, уханье Будилы, рѣдкоскала, стараго выжлеца Ивана Петровича, да громче всѣхъ заливалась его выжловка Стрѣлка.

Въ туманѣ всякій звукъ слышится громче. Казалось все болото стонало и гремѣло, а гора по близости и овраги вторили этому хору. Одно время, когда гончія выбрались изъ болота и погнали по оврагу, все на минуту стихло, но затѣмъ стая опять свалилась за болото и закипѣла по направленію къ Николаю Васильичу. Разсудительный былъ онъ человѣкъ, а тутъ сплоховалъ и заслушался. Пропуделялъ-бы по волку, еслибъ онъ выскочилъ на него въ это время; но гончія, шагахъ во ста отъ него, разомъ смолкли; послышалась короткая грызня и потомъ стая опять залилась и потянула въ гору. Оставивъ убитаго волка, Николай Васильичъ побѣжалъ къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ смолкли гончія. Дороги онъ уже не разбиралъ, прямо ломилъ по болоту. „Хохолъ въ дракѣ волосъ не жалѣлъ“, подумалъ онъ, когда въ одномъ мѣстѣ провалился въ грязь почти до пояса. Скоро онъ нашелъ придушеннаго гончими молодого волка, и, взваливъ его на плечо, отправился съ нимъ на прежнее мѣсто. Со стороны рѣки раздался выстрѣлъ Игната, а гончія пронеслись въ гору, откуда послышалось улюлюканье борзятниковъ и голосъ Павла, который сбивалъ гончихъ опять въ болото. „Слава Богу, досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ,—и Игната уважилъ, и густопсоваго нашего Ивана Петровича потѣшилъ, а, главное, себя, милаго дружка, не забылъ“, подумалъ Глазуновъ. Немного постоявъ и послушавъ, онъ, прихвативъ убитаго волка, направился изъ болота. Крѣпокъ былъ Николай Васильичъ, но и ему показалось тяжело, когда пришлось тащить двухъ волковъ и ружье. Нельзя было выбирать дорогу,—пришлось лѣзть по болоту напрямикъ. Ноги вязли въ грязи, полушубокъ еще болѣе намокъ и когда Глазуновъ добрался наконецъ до своей переправы, отъ него валилъ паръ, какъ отъ уставшей лошади. Немного отдохнувъ, онъ рѣшился сдѣлать переправу въ два раза. Одного волка оставилъ на берегу, а съ другимъ пошелъ по жердямъ. На самой серединѣ канавы жерди разомъ подломились и онъ погрузился въ жидкую трясину. Бросивъ волка, Николай Васильичъ успѣлъ дотянуться руками до другого берега и ухватиться за стволъ чахлой небольшой березки, которая была на той сторонѣ; но выбраться изъ трясины у него не хватило силы. Ноги его были какъ въ тискахъ, казалось, ихъ тащило въ глубину какое-то злобное существо. „Игнатъ! помоги, тону! Игнатъ! кумъ, помоги“ раздался по болоту его могучій басъ.

Долго пробылъ Глазуновъ въ такомъ положеніи, не смѣя сильно налегать на тонкую березу, которая пригнулась отъ его

усилій и могла совсѣмъ вырваться съ корнемъ. Николай Васильичъ понималъ, что въ такомъ случаѣ его погибель неизбѣжна. Холодъ, который онъ на ходу не замѣчалъ, добрался до него. Глазуновъ чувствовалъ, какъ у него сначала леденѣли ноги, потомъ руки. Заныли всѣ кости и его стала трясти лихорадка. Когда Игнатъ подошелъ къ нему, онъ почти не могъ говорить. Съ большимъ трудомъ Игнатъ вытащилъ его изъ трясины; но сапоги Глазунова остались въ болотѣ. Босой, измокшій добрался Николай Васильичъ до избы Игната, и, раздѣвшись до-нага, полѣзъ прямо на печку.

Такъ неудачно кончилась охота для Николая Васильича. Домой онъ вернулся, хотя и съ двумя волками, но въ Игнатовыхъ сапогахъ. Полушубокъ его стоялъ колѣмъ, сморщился и покоробился послѣ спѣшной сушки въ избѣ на печкѣ. Охота эта была послѣднею для Николая Васильича. На другой-же день онъ расхворался, съ нимъ сдѣлался жаръ, онъ сталъ бредить. Ни уходъ Ольги Сергѣевны и Сони, ни усердное лѣченіе Василія Федоровича не спасли Глазунова. Незадолго до смерти онъ пришелъ въ себя и сдѣлалъ послѣднія распоряженія.

— Прощайте, маменька! сказалъ онъ. Когда умру. подарите Василію Федоровичу Арамиса на память обо мнѣ. Портоса и Атоса продайте Ивану Петровичу, только не продешевите. Онъ рублей двѣсти за нихъ заплатитъ. Не удалось мнѣ Соню, бѣднягу, при себѣ пристроить, добавилъ онъ, взглянувъ на Соню.

Сталъ было докторъ успокоивать его, увѣрять, что онъ еще выздоровѣетъ, и будетъ съ нимъ охотиться.

— Нѣтъ, докторъ, труба! чувствую, что мнѣ уже труба! отвѣтилъ ему на это Глазуновъ.

М. Г.